

✓  
Моисовский, 1966, 15 июня

ЗАМЕТКИ ОБ АКТЕРЕ РОЛАНЕ БЫКОВЕ

# РАДОСТЬ АКТЕРСКИХ ОТКРЫТИЙ

Александр МИТТА

РОЛАН Быков — известный советский актер и кинорежиссер. Недавно он снялся в фильме А. Митты «Звонят, откройте дверь!», а сейчас завершает постановку картины «Добрый доктор Айболит». Эти заметки кинорежиссера А. Митты будут опубликованы в журнале «Искусство кино» № 7.

С Роланом Быковым мы знакомы еще с детства: тогда мне было десять лет, а ему четырнадцать. Три-четыре года в детстве — это чудовищная разница. До сих пор еще я ловлю себя на некоторой робости «малыша» по отношению к Ролану. В театральном кружке городского Дома пионеров, где мы общались, я был самым младшим. А он — самый знаменитый.

В ансамбле песни и пляски он сочинял капустники, в литературном кружке его встречали: «Наш автор!» — было известно, что он пишет пятиактную драму в стихах. На спектакль, в котором он играл главную роль Кота в сапогах, водили упитанных иностранцев — «союзников». Они щипали его за худую щеку и говорили:

«Прелестный мальчик», а он отвечал по-английски: «Сонюк». И в интонации одного слова уместалась независимая гордость артиста, презрение к буржуазному миру и воодушевление репрезентанта счастливого детства, за которое тогда часто благодарили хором и на разные голоса.

В то время весь театральный мир жил в колени перед теорией Станиславского. Я до сих пор восхищаюсь ею, но тогда это носило характер тотального и обязательного благоговения. И, конечно, уважающий себя театральный кружок ни по какой другой системе работать не мог. Да вообще мне, например, в голову не приходило, что может быть какая-то другая си-

стема. А ему пришло. Он придумал систему, которая называлась «система зоосада».

Вкратце теория эта заключалась в следующем: пластика зверей гораздо выразительнее пластика человека. А звери, как известно из басен, похожи на людей. Надо понять, на какого зверя похож изображаемый тобой человек. И, играя его на сцене по этой теории, надлежало двигаться в пластике выбранного животного, что гораздо «театральней».

Меня эта теория поразила, и я на какое-то время превратился в маленького шизофреника, который ходил по улицам за разными людьми со странными ужимками. А он уже пропагандировал новую теорию, по которой художник может активно творить только тогда, когда он... несчастливо влюблен.

Он был любимцем Дома пионеров, но нашел девочку, головы на полторы выше себя. Девочка, естественно, смотрела еще выше, на каких-то старших классников. Приходя на занятия, он мимоходом общался, что сочинил еще один цикл сонетов и скоро закончит драму. Брови его страдали. Девочки возбужденно шептались: «Ролан на грани самоубийства!». Словом, он функционировал интенсивно, непрерывно и разнообразно.

Когда через двадцать лет мы сошлись на общей работе (фильм «Звонят, откройте дверь!», он, вопервых, готовил к съемкам свою собственную картину, широкоформатную, цветную, с большим количеством музыки, танцами, бесконечным разнообразием трюков и технических новшеств, отнимавших все его время. Кроме того, он еще все время переделывал сценарий. Но это только во-первых.

Во-вторых, он кончал большую роль в многосерийном телефильме «Вы-

зываю огонь на себя». В-третьих, в картине Тарковского «Андрей Рублев» он снимался в большом эпизоде. Этого было более, чем достаточно, чтобы студия категорически протестовала против его участия в фильме. Дирекция не знала еще, что каждую пятницу — это в-четвертых — он садится в самолет и на два дня улетает в Ереван, чтобы сниматься в одной из главных ролей картины «Здравствуй, это я».

В-пятых, была личная жизнь. Это никого не касается, но принято думать, что на работу влияет.

На меня показывали пальцами — вот дурак, который роет себе яму, но я помнил, что этот мотор с детства дает совсем другие обороты.

Кроме того, я помнил Дом пионеров и был уверен, что в Ролане живет что-то такое, чего не раздели последние годы. У нас там был странный коллектив. Странный? Боюсь сентиментальности, думаю, чем бы заменить слово прекрасный.

Быков очень боялся роли. Не хотел даже пробоваться. Уверял меня и себя, что провалится. В сценарии, между прочим, был написан полный, высокий, грузный человек. Но не в росте же дело. Володин пресек сомнения, посмотрел пробу и сказал: «Он». Все-таки я не уверен, что до конца понятно, зачем все это написано про Быкова.

На первом курсе я полгодом проучился в мастерской Довженко. О Довженко — специальный разговор, одну только фразу приведу сейчас. — Берегите память о

детстве. В искусстве мы всю жизнь перебираем наши детские игрушки, — сказал Довженко, глядя поверх нас, будто за нами, двадцатью первокурсниками, сидело еще тысяч двадцать.

Ролан в картине и был моей памятью о детстве. Его память совпадала с моей, и еще целый клад он принес с собой. К этому прибавились сегодняшние дети с таким ощущением сегодняшнего дня, которое только у детей и может быть. Уж они-то современны без моды на современность. И все сплелось в одно. А что значит играть в контакте с детьми — это вы спросите у актеров и посчитайте, сколько из них скажут, что делают это с удовольствием.

Играть с детьми — значит держать экзамен, где тебе ежесекундно представляют оценки: попал — не попал. Разумеется, есть актеры, которые в эти игры не играют. Их называют «номерными». Они разучивают свой номер и исполняют его вне зависимости от партнера — режиссер, актер или режиссер, подающий реплику из-за кадра. И тут уж ничего не сделаешь. Я видел, как на «Тихом Доне» Сергей Аполлинаревич Герасимов тридцать шесть раз снимал проходной кадр. Это, я вам скажу, была схватка — кто кого. Режиссер во всем великолении своих талантов, с полным диапазоном увещаний от просьбы до угроз, и актер, который преданно и честно исполняет все тот же маневр.

Ролан Быков соизмеряется с такого рода исполнителями так же, как сим-

фонический оркестр, прекрасный, которому в римском ателье шьют фраки для заграничных гастролей, — со здорово урчащей водопроводной трубой.

Чтобы сопоставление не выглядело такой фелетонной бойкостью, поясню, из чего состоит мое восхищение этим актером.

Во-первых, он всегда готов. То есть все, что написано в сценарии для него, он знает с начала до конца, с конца до начала и через пятое на десятое — в любой последовательности.

Во-вторых, он всегда готов к изменениям. Страницу нового текста он знает через десять минут — для кино это значит сразу, делает своей, то есть может исполнять хоть вверх ногами, — через тридцать. Через сорок он этот текст улучшит ненамного, но именно в том направлении, которое нужно картине. (Многие актеры любят менять текст, обычно это не улучшает его). Через пятьдесят минут он на площадке, полностью готовый к работе.

В-третьих, он предлагает съемочной группе темп работы, который умилит любого директора картины. Это, учтите, пока относится только к ремеслу, тут не грех заметить, что, в-четвертых, он лучшим образом исполнит все, о чем только может попросить режиссер драматического артиста. Как пишут в карточках актерского учета: «Пляшет, поет, занимается спортом, играет на музыкальных инструментах».

С партнерами он работает, как гимнаст под куполом. Случайный выра-

зительный взгляд ребенка я, сидя у камеры, фиксирую: «Ах, жалко, пропадает, такое не срепетируешь». Он заметил, принял, отыграл. Парнишка не дошел полшага по мизансцене, он подтолкнул его ласково и открыто, в характере персонажа. Поставил на стол тарелки, неожиданная пауза, это звукооператоры просили ставить их потише — реплики пропадают. А они, проклятые, все равно громяхают. Он симпривизировал крохотную паузу и вдруг отошел на шаг.

Зачем? Ах ты! — девочка на первом плане отклонилась чуть больше положенного. Беда небольшая, но он засек и переместился точно по оси кадра — композиция не нарушена. А то операторы попросили бы дубль — они не любят, когда нарушают композицию. И зачем же ее нарушать, когда можно не нарушать... Да, но ему уже пора облокотиться о стол. По этому сигналу камера движется, его движение как бы скрадывает резковатое начало наезда. В чем дело? Ах, осветитель зазевался, не открыл вовремя шторки прибора. Нагнись Ролан, он попал бы в световой провал. Оператор толкает осветителя, шторки открываются. В ту же секунду Ролан облокотился, камера поехала. Кажется, злосчастный дубль складывается. Сейчас его фраза, за нее я спокоен...

Это все и называется жить в кадре — учитывать свет приборов, возможности микрофона, рисунок мизансцены, движение камеры, быть готовым по-хозяйски принять любую неожиданность и

знать, что все это ничто по сравнению с главной работой — ролью.

Я так подробно описал профессиональные достоинства Быкова, что просто для симметрии хотя бы столько же надо сказать о нем как о художнике. И то будет обидно мало. Но как раз это критики делают объективнее и квалифицированнее.

Замечу только одно. Этого актера разумно оценивать не по роли, пусть даже лучшей с той или иной точки зрения, а по совокупности ролей. Тогда возникают реальные масштабы дарования.

«Вызываю огонь на себя», «Звонят, откройте дверь!», «Добрый доктор Айболит». Вот три роли, сделанные тремя разными способами. В трех разных школах. С тремя системами различных и уникальных актерских приспособлений. Сыгранные почти одновременно...

Я начал с того, что Быков всегда готов. Мне приходилось работать с ним, когда он двое суток непрерывно был в работе. День он работает режиссером своей картины, вечером съемки в нашей, ночью тонировка картины Ереванской киностудии, с утра запись музыки в своей картине, потом смена в нашей картине и опять ночная смена тонировки. Все с полной нагрузкой и только одним перерывом на сердечный приступ, часа два, не больше.

Не много ли? А как вы представляете себе Достоевского, диктующего свои романы, или Бальзака? Разумеется, не будем сравнивать. Я ведь говорю не о том, что он двое суток пора-

жал всех своей гениальностью. Нет, всего лишь о том, что двое суток в течение каждой полезной минуты он исполнял максимум того, на что способен в самых благоприятных обстоятельствах. Хотя, как ни странно, именно эти обстоятельства невероятной перегрузки, по моему, для него самые благоприятные. Если не для здоровья, то для работы. Потому что в спокойном состоянии он фонтанирует с силой, превышающей разумное упорядочение. Варианты неожиданные, парадоксальные, яркие: если вы не уверены в своем замысле, — все, вы погибли и снимаете совсем не то, что вам надо... Поделом вам — не прельщайтесь.

В работе он мне представляется джином, вылепленным из бутылки. Только что ничего не было, и вдруг — хлоп! — и клубы дыма сгущаются в волшебную фигуру. Один писатель, работавший с ним, сказал: «Ролан — это вулкан в землетрясении; он извергает все сразу — лаву с золотом, камни, потоки газированной воды и пара...». Когда пишешь о человеке с пристрастием, полезно помнить о том, что есть люди, которым он не нравится. Известно, что наши недостатки продолжают наши достоинства. Ко мне Быков всегда был повернут стороной своих достоинств. Сколько разочарований я испытал в отношениях с разными людьми. Но вспоминаю, что двадцать лет уже Ролан поражает меня каждый год по-новому, неожиданно, радостно. И я жду, как в детстве в кино: что дальше?.. (АПН).